

— Если правитель действительно убьёт Сунь Уляна среди бела дня, разве все предыдущие преступления не свалят на него одного?!

Эта мысль заставила Ван Чуаньдэна содрогнуться, и он снова посмотрел на закрытую дверь спальни.

...Цзи Саньмэй, должно быть, заметил это, поэтому и позвал правителя внутрь.

Однако Ван Чуаньдэн явно переоценил ситуацию.

Цзи Саньмэй не знал, что они поймали Хэ Цзыцзу, и не мог сделать таких выводов. Но, к счастью, он всегда полагался на интуицию. Он чувствовал, что если Шэнь Фаши выйдет в таком состоянии, дело может кончиться плохо.

Кроме того, он считал, что безумный брат Шэнь был невероятно мил, и если тот вдруг очнётся, это будет настоящей катастрофой.

Поэтому он поспешил вернуть его обратно.

Как только дверь спальни закрылась, Ван Чуаньдэн расслабился наполовину, твёрдо уяснив: Сунь Улян не должен умереть.

Сегодня правитель уже появился на людях в городе Чжуинь. Смерть Дин Шию и Сунь Фэя, возможно, ещё не вызвала подозрений. Но если сегодня умрёт Вэй Юань, а завтра — Сунь Улян, то, связав эти смерти воедино, люди неминуемо заподозрят правителя.

Поэтому он сказал Вэй Юаню:

— Отведи Хэ Цзыцзу к себе домой, крепко запри и жди, пока правитель и его супруг не выйдут, чтобы всё прояснить.

Вэй Юань, уже измученный диалогом этой пары, чувствовал, что ещё одна секунда здесь — и он задохнётся. Поэтому, схватив Хэ Цзыцзу, как кролика, он развернулся и зашагал прочь.

Отойдя на несколько шагов, он заметил Цзи Лючэня, чьи глаза покраснели от ярости, и, замедлив шаг, равнодушно бросил:

— ...Не смотри, они уже внутри.

Цзи Лючэнь, не утихомирившись, плюхнулся на ступеньки и прорычал сквозь зубы:

— Я останусь здесь. Если он посмеет хоть пальцем тронуть моего старшего брата, я его изрежу.

Он с горечью добавил:

— Шэнь Фаши — не человек, он хуже зверя! Моему старшему брату всего семь лет!

Вэй Юань: «...»

Распалившись ещё больше, Цзи Лючэнь вскочил и принялся скрести дверь:

— Выходи! Это мой дом! Верни моего старшего брата!

Шэнь Фаши не удостоил его ответом, а через окно швырнул заклинание немоты.

Цзи Лючэнь, лишённый дара речи, в ярости затопал на месте, покружился, а затем выбежал со двора.

Вэй Юань вздохнул и, волоча за собой Хэ Цзыцзу, вышел через лунные ворота.

Хэ Цзыцзу, которого тащили за шиворот, жалобно произнёс:

— Я голоден.

Вэй Юань ответил коротко:

— Голодай.

Хэ Цзыцзу захныкал.

Вэй Юаню, у которого от этого уже голова шла кругом, напомнил:

— Ты только что чуть не убил меня, а теперь ещё и есть просишь?

Хэ Цзыцзу с обидой в голосе возразил:

— Но ведь в итоге не убил?

Вэй Юань без тени эмоций изрёк:

— Я запру тебя в северо-западном углу дома. Там раззинешь пасть — и будешь питаться северным ветром. Замечательно, правда?

Хныкающего Хэ Цзыцзу Вэй Юань насильно уволок в дом Вэй.

Ван Чуаньдэн уже собрался усмехнуться, но его остановил Чанъань, до этого хранивший молчание.

Тот пристально смотрел на закрытую дверь спальни, и выражение его лица было странным. Ван Чуаньдэн спросил, что случилось, но мальчик не ответил. Спустя мгновение он указал на свою грудь:

— Старший брат Ван, у меня здесь очень больно.

Ван Чуаньдэн нахмурился:

— Что такое?

Чанъань смущённо признался:

— Не знаю. Просто, когда я вижу, как учитель и младший брат ведут себя так, мне становится плохо, и здесь болит.

Ван Чуаньдэн задумался.

...Такое поведение Чанъаня напомнило ему о Вэй Тине.

В прошлой жизни Цзи Саньмэй часто проводил время с правителем, а Ван Чуаньдэн, спасённый тем же правителем, всегда следовал за ними по пятам, обеспечивая безопасность.

Поэтому он, вероятно, первым и заметил того малыша, что вечно таился по следам Цзи Саньмэя и Шэнь Фаши.

Тот прятался за углом, с тоской глядя в сторону Цзи Саньмэя, и глаза его были полны восхищения и зависти.

Ван Чуаньдэн поначалу решил, что у мальчишки нечистые намерения. Но, понаблюдав, понял: взгляд был наивным и чистым — взглядом ребёнка, влюблённого в нечто недостижимое.

Подобная наивность давно исчезла из мира Ван Чуаньдэна после смерти его родителей.

Вэй Тин полагал, что следит незаметно, и не ведал, что, сам того не зная, стал частью чужого пейзажа.

Ван Чуаньдэн не был человеком, любящим тянуть время. Поэтому, осознав, что всё чаще задерживает взгляд на маленьком преследователе, он решил подойти к нему.

Загнанный в угол высоким Ван Чуаньдэном, мальчик чуть не расплакался:

— У... у меня нет денег.

Уголки губ Ван Чуаньдэна дрогнули в улыбке:

— Мне не нужны деньги. Мне нужен человек.

В те дни Ван Чуаньдэн ежечасно наблюдал, как правитель страдает от неразделённой любви, и зарекся: если встретит того, кто придёт по душе, будет действовать без промедления.

Мальчик, набравшись смелости, отказал:

— Не могу. Я собираюсь жениться на брате Цзи.

Он моргнул своими круглыми глазами и, словно боясь огорчить Ван Чуаньдэна, добавил:

— ...Может, я сначала спрошу разрешения у старшего брата?

Ван Чуаньдэн, однако, не расстроился.

Он полагал, что признаться в любви — уже хорошо. Откажут — можно подождать следующего. Никто не говорил, что сердце может принадлежать лишь одному.

Но, как ни странно, Ван Чуаньдэн так и не дождался «следующего».

Прошли годы, а он по-прежнему любил того юного господина из семьи Вэй — и чувства его лишь крепли.

Даже когда в Линтине последователь демонического пути Юньян пронзил ему лёгкое и он три дня метался в горячке, в бреду он видел тот самый момент — как Вэй Тин отказал ему с нежным и непоколебимым взглядом.

Позже, увидев, как Шэнь Фаши сходит с ума из-за Цзи Саньмэя, он кое-что понял. Некоторые люди наделены способностью любить лишь однажды — ибо их сердце вмещает лишь одного.

Ван Чуаньдэн похлопал Чанъаня по плечу:

— ...Не жди младшего брата.

Чанъань удивился:

— Почему?

Ван Чуаньдэн знал: трёхлетний Чанъань не поймёт его слов. Поэтому он просто констатировал факт:

— Ему больше нравится быть с учителем.

Чанъань задумался, а затем с нежностью и твёрдостью в голосе произнёс:

— Я всё равно буду ждать.

Помолчав, добавил:

— Я стану таким же хорошим, как учитель. И тогда младший брат захочет быть со мной.

Ван Чуаньдэн едва сдержался, чтобы не сказать, что младший брат, даже переродившись, всё равно тянется к учителю, и эта связь не прервётся, пока один из них не умрёт. Но он ограничился сказанным — дальше говорить было бесполезно.

Ван Чуаньдэн вышел со двора, чтобы разузнать, не ходят ли по городу слухи о правителе.

Чанъань же остался стоять во дворе — прямой, как молодой тополёк, с плотно сжатыми губами.

Он закрыл глаза и начал впитывать энергию солнца и луны.

Никогда ещё Чанъань не желал так сильно поскорее вырасти.

Цзи Лючэнь, вернувшийся во двор с точильным камнем, застал лишь одного Чанъаня — остальные уже разошлись.

Он долго и пристально смотрел на мальчика.

Тот был до боли похож на старшего брата — в какой-то момент Цзи Лючэнь даже почувствовал неодолимое желание броситься к нему в объятия.

Чтобы подавить этот странный порыв, Цзи Лючэнь положил точильный камень посреди двора и принялся с остервенением точить нож — всем видом показывая, что, как только Шэнь Фаши выйдет, он его оскопит.

...Если не получится убить, так хоть лишить мужской силы — тоже неплохо.

Однако Цзи Лючэнь не учёл одного: накладывая заклинание немоты, Шэнь Фаши попутно изменил и барьер, полностью отгородив внутреннее пространство от внешнего мира.

В тёмной комнате слышались лишь прерывистое дыхание и сдавленные стоны Цзи Саньмэя.

Шэнь Фаши снял с него всю одежду, но не стал наносить лекарство.

...Первое, что он сделал, — укусил его.

Точно так же, как и в тот день, когда он впервые нашёл его у задней двери дома Шэнь. Тогда его тоже обуревали тревога и страх, внутри польхало пламя. И, увидев спящего Цзи Саньмэя, он не успел ощутить радость, как его охватила необъяснимая ярость.

<http://bllate.org/book/16281/1466391>